

КОВАЛЕНКО МАРЬЯ

STRONGER
THAN YESTERDAY

GYM
TRAINING HALL

Заставь поверить.

БЫВШИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Легенды тенниса (СЛР)

Марья Коваленко

Заставь поверить. Бывшие

«Автор»

2026

Коваленко М.

Заставь поверить. Бывшие / М. Коваленко — «Автор»,
2026 — (Легенды тенниса (СЛР))

– Не нужны нам импортные чемпионы. Свой есть. Лучше заграничных!–
Свой? За три года работы в главном штабе мне пришлось изучить каждого перспективного игрока. Однако звезд, способных заменить первую ракетку на Кубке Дэвиса, сейчас точно нет.– Нас ждет большое возвращение легенды. Секретарша босса кладет передо мной пресс-релиз и, словно мало мне потрясения, зачитывает вслух фамилию наглого, самовлюбленного ублюдка. Того, кто несколько лет назад стал для меня всем... а потом внезапно вычеркнул глупую наивную девчонку из своей жизни.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	15

Марья Коваленко

Заставь поверить. Бывшие

Глава 1

– Охренеть новости! Этот динозавр уже забыл, как ракетку держать, а вы хотите взять его в сборную? Может, мне тоже всех в задницу послать и прикинуться больным? Пусть эта ваша легенда сливает турнир без моего участия.

Из кабинета главного доносятся вопли нашей главной звезды – Макса Горина. Обычно он орет или в клубах, или на корте, но сегодня, кажется, случилось исключение.

– Алишер Тимурович, как я понимаю, на месте? – шепотом спрашиваю я у Яны, секретарши капитана, которая работает здесь с тех же доисторических времен, что и сам босс.

– Да, Алина, – с улыбкой кивает та, – с Максимкой общается. Радует нашего золотого мальчика сменой в составе команды.

– У нас что-то поменялось? – как подкошенная, падаю на кресло для посетителей.

Я всего на неделю выбралась в отпуск. Позволила себе семь дней тишины и покоя, перед тем как начнется бешеная гонка за титулом. А здесь уже изменения.

– Да. Варфоломеев снялся. Запястье, – грустно вздыхает Яна.

– Но Нестор клялся, что старая травма не помешает! – вспоминаю заключение нашего врача.

– Значит, ошибся. Медицина – это не математика. Всякое бывает.

– Но не в Кубке Дэвиса, – отрицательно мотаю головой.

Что-то здесь нечисто. Еще неделю назад Варфоломеев точно собирался играть. Он мне лично подтвердил, что приедет. Никакое запястье на тот момент его не беспокоило.

Он просто обязан выступить за сборную. А если нет

Об этом даже думать не хочется. Из троих одиночников Варфоломеев был единственным, кого судьба команды беспокоила сильнее, чем рейтинг. Опытный, мощный, он неплохо сдерживал слишком эмоционального Макса и заставлял выкладываться по полной нашего ветерана Калинина.

– Тем не менее, у нас замена, – жмет плечами Яна. – Спонсоры и министерские уже все согласовали.

– За неделю?! – глаза лезут на лоб.

И когда это бюрократы научились так быстро решать кадровые вопросы?

– Буквально за пару дней.

– А кого?

Мне заранее плохо. Как координатору сборной, именно мне придется вносить изменения в бронь, менять билеты на самолет, заново согласовывать меню и тренировки. А вдобавок как-то учиться управлять еще одним альфа-самцом.

– Да вот, как раз документы для пресс-релиза, – секретарша кивает на стопку бумаг с зеленым стикером «Павлу».

Не спрашивая разрешения, тяну к себе первый лист и начинаю читать:

«Общая сумма призовых за карьеру – сорок пять миллионов долларов.

Играющая рука – правая.

Бэкхенд – двуручный.

Рост – сто девяносто два сантиметра.

Вес – восемьдесят пять килограмм.

Количество титулов – двадцать семь.

Высший рейтинг АТР – номер один».

– Первая ракетка мира! Ничего себе! – От такого послужного списка и данных мне становится не по себе. – Да он на голову сильнее Варфоломеева, – отрываясь от чтения, с удивлением смотрю на Яну.

– Еще и красавчик! – важно кивает она.

– Где Алишер Тимурович его взял? Кто-то из американцев гражданство сменил? Или босс испанского чемпиона усыновил?

– Да зачем нам импортные?

Глаза секретарши загораются таким романтическим блеском, словно к нам в команду попала любовь всей ее жизни. Бог большого тенниса с модельной внешностью Берреттини и совершенной техникой Джоковича.

– У нас свой есть! Лучше заграничных, – откинув от лица седую прядь, важно тянет Яна.

– Свой?

Понятно, что у нас разные вкусы. Но я отлично знаю всех «наших»: их ТТХ, призовые и рейтинги. За три года работы в главном штабе пришлось изучить каждого перспективного игрока. Однако звезд такого уровня, как в пресс-релизе, у нас точно нет. И при мне никогда не было.

– Ой, блин, – спохватывается Яна. – Главную страницу не распечатала! Паша ее отдельным файлом прислал.

Пальцы с ярко-алым маникюром ловко пробегаются по клавиатуре. Принтер звякает о готовности печатать. И спустя несколько секунд выплевывает один-единственный листок. На нем красуются всего два слова – имя и фамилия.

– Нет, – я смотрю на них и не могу поверить. – Не может быть. Это какая-то ошибка.

В приемной тепло, но мне резко становится холодно и зябко. Совсем как в больнице, где последний раз я была семь лет назад.

– Никаких ошибок! – довольно кивает секретарша. – Нас ждет большое возвращение легенды.

Кладет передо мной проклятый лист и, словно мало мне потрясения, зачитывает вслух фамилию наглого, самовлюбленного ублюдка, который несколько лет назад стал для меня всем... а потом внезапно вычеркнул глупую наивную девчонку из своей жизни.

Глава 2

Глава 2

Как только Макс вылетает из кабинета, Алишер Тимурович Хакимов приглашает меня зайти. Догадываясь, о чем будет речь, я заранее сажусь на любимый стул – подальше от главного и мысленно представляю, как рву на кусочки гребаный пресс-релиз.

– Как отдыхалось, Алинка? – притворно-ласковым тоном интересуется босс.

– Если бы знала, что здесь замена, отдыхала бы и дальше.

У нас, конечно, субординация, уважение и прочее, но лебезить я тоже не обязана. Мне, как менеджеру и координатору сборной, должны были первой сообщить о перестановке. В других случаях Хакимов не стеснялся звонить после работы, в выходной день и даже ночью.

Между нами не было никаких тайн, касательно игроков. А тут сюрприз за неделю до начала турнира.

– Значит, ты уже в курсе замены в сборной, – ослабляет галстук Хакимов.

– Бумажку на столе у вашей секретарши случайно увидела.

– Ты это притормози малек! Не я инициатор этой рокировки. Все претензии к спонсорам. Будь моя воля, я бы тоже кого-нибудь другого взял на место Варфоломеева.

На последней фразе он так выразительно потирает бороду, что сразу становится ясно – врёт.

– Мне сейчас нужно поменять билеты, изменить бронь в отеле, по новой согласовать графики тренировок и решить еще с сотню срочных вопросов.

– Алиночка, ну ты же у нас суперженщина. Тебе ж это одной левой.

«А вот это уже косвенная агрессия!» – подмечаю я.

Похоже, Максим уничтожил под ноль весь запас терпения Хакимова. Не каждому такое удается. Далеко пойдет золотой мальчик!

– Если вы хотели посочувствовать, то это совсем другие слова, – сбавляю обороты.

– Нет, драгоценная моя. Сочувствовать я тебе не буду. На это у нас времени нет. Но вот что нам действительно придется сделать

Он замолкает, не договорив. И кладет передо мной на стол листок с какой-то надписью.

– Что это? – пытаюсь прочесть. Однако даже Нестор, наш врач, пишет разборчивее.

– Это, милая, домашний адрес нашей новой ракетки. Тебе придется смотаться к нему домой и лично сообщить о зачислении в сборную.

– Подождите – подпрыгиваю с места, словно кресло подо мной полыхнуло.

– Никакого ожидания! – отрезает Алишер Тимурович. – Сама знаешь, как у нас сроки горят.

– Я – откашливаюсь. – Я не поеду к нему.

– Что?

– Почему нельзя сообщить по телефону? – хватаюсь за эту мысль, как за спасательный круг.

У каждого человека свои отношения с топографией. В моей карте города сразу несколько бермудских треугольников – мест, куда нельзя заглядывать и которые нужно объезжать по большой дуге. Адрес нашей легенды значится в этом списке под номером один.

– Если у вас нет номера телефона, я найду! – вытягиваюсь в струну перед боссом.

– Дорогая ты моя девочка, – качает головой главный, – если бы все было так просто!

Он с кряхтением встает из-за стола. Шаркающей походкой, которая выдает все старые травмы и преклонный возраст, подходит к окну. И будто забыл о моем присутствии, начинает рассматривать клены на соседней улице.

Не знаю, сколько длится эта игра в молчанку. Может, минуту. Может, больше. Но когда я уже собираюсь убраться из кабинета, Хакимов неожиданно продолжает:

– Это спонсоры подкинули идею министерским. А те – машет рукой. – Им лишь бы спихнуть все. С большой головы на здоровую.

– Только не говорите, что – осекаюсь. Не могу произнести свою догадку вслух. Язык не поворачивается.

– А то и вышло! – Босс со вздохом поворачивается ко мне. – Все согласовали. Документы подписали. Варфоломеева отправили лечиться. А у его сменщика даже согласия спросить никто не додумался.

– Он совсем не в курсе?..

Делаю медленный вдох на четыре счета. Паузу на четыре и такой же медленный выдох.

– Агент, скорее всего, в курсе. Он у него ушлый парень. Без смазки в любую везде пролезет. Но соглашение пока без подписи.

– И вы хотите, чтобы я

Новый вдох на четыре. Плавная пауза и снова по кругу.

– Скатайся к нему. Бумажки отвези, – Алишер Тимурович взглядом указывает на тонкую папку, лежащую на краю стола. – Поулыбайся немного. Ну и убеди, что это ему нужно. Честь Родины. Призовые. И громкое возвращение в большой спорт. Не каждому дается такой шанс! Пусть пользуется.

Глава 3

Папка жжет руку, словно в ней не документы, а обогащенный уран. Отличное начало дня и возвращение из отпуска!

Не задание, а сюжет для ночного кошмара.

Лет семь назад со мной случались такие. Даже действующие лица были теми же – один несносный тип, я и унижение, от которого невозможно отмыться.

Несколько месяцев просыпалась со слезами на глазах. Как последняя идиотка, до утра ломала голову: «Почему?». А потом каждый раз заново собирала себя по кусочкам, чтобы жить дальше.

– Ну как главный, осчастливил новым игроком? – спрашивает Яна, стоит мне выйти из кабинета.

– Не знаю теперь, как пережить столько счастья.

Сминаю бумажку с адресом и бросаю в мусор. Даже если бы я хотела забыть, где живет наша легенда – боюсь, не спасла бы и лоботомия.

– И как скоро мы увидим его на корте федерации? – восторженно хлопая ресницами, интересуется Яна.

Вместо ответа в моей голове тут же всплывает куплет старой песни: «Наверное, в следующей жизни, когда я стану кошкой. Ла-ла. Ла-ла»

– Как только он даст добро – на секунду задумываюсь. – Или не даст.

– Чур, тебя, Алинка! Не шути так! Папа уже целую команду фотографов организовал. Хочет фотосессию на площадке сделать. А мне сейчас нужно журналистов обзвонить.

– Не торопились бы вы, – осторожно намекаю.

– Такая новость попадет на главные полосы всех журналов, – отрезает секретарша. – А если он действительно так хорошо восстановился, как об этом говорят, то – тянет паузу, – может, и мастер-класс устроим. Как с Максимом в марте.

– Толпы девиц нам тогда чуть дверь в раздевалку не вынесли, – передергиваю плечами.

С охраной мы в тот день облажались по всем фронтам. Макса пришлось эвакуировать через черный ход, а фанаткам вместо «тела» выдать гору сувениров.

– С этим – Яна похлопывает пальцем по пресс-релизу, – они дверь вместе со стеной снесут! Попомни мое слово! Никакое ограждение не спасет.

Она улыбается так, будто радуется штурму родного спортивного центра. А мне становится еще хуже.

Одно дело – знать, что Он где-то там: живет, лечит свою спину, учится заново держать ракетку, изводит реабилитологов и укладывает в кровать влюбленных дурочек. И совсем другое – встречаться каждый день в одних стенах и спасать его спортивный зад от толпы фанаток.

– Для начала он должен на это подписаться, – роняю я едва слышно, и пока Яна не устроила допрос с пристрастием, вылетаю из приемной.

Поездку по запрещенному адресу откладываю до последнего.

Весь день решаю текущие вопросы. Связавшись с отелем в Монте-Карло, прошу придержать нашу бронь на жильца без фамилии. Уточняю у агента Варфоломеева детали расторжения контракта. Напрягаю врача, массажиста и прочий персонал задачей – подготовиться к приему новой ракетки.

И лишь в пять вечера, когда официальный рабочий день подходит к концу, решаюсь ехать.

– Тебя подвести? – спрашивает скучающий на парковке Витя, наш штатный водитель.

– А главный домой не собирается?

Подхожу к своей двухместной ласточке. Ласково глажу блестящий черный бок и распахиваю дверцу.

– Алишер Тимурович сказал, что сегодня задержится. А если тебе нужно будет куда-то там поехать, отвезти с фанфарами, – весело кивает на мигалку, которая уже запылится в салоне.

– Нет, спасибо! – шарахаюсь, как кошка от собаки.

– Ну, смотри! – жмет плечами Витя. – Мне несложно.

– Я как-нибудь без фанфар и лишнего внимания. – Ныряю в салон и тут же захлопываю дверцу. – Поберегу нервы дорожной полиции.

Представив, как въезжаю в знакомый двор с сиреной и мигалкой, мысленно плюю через левое плечо и завожу двигатель.

Дорога от спортивного центра до Остоженки занимает целый час. Я умудряюсь попасть во все возможные пробки, переговорить с мамой и трижды накрасить губы помадой.

С последним какой-то клин. Мне то нравится отражение в зеркале, то оно кажется слишком вызывающим, то, наоборот, жалким, словно я косметикой пытаюсь прикрыть свой страх и дурацкую неуверенность.

– К черту все!

Превращая губы в два распухших пельменя, снова стираю помаду. И чтобы больше не соблазняться, швыряю ее за сиденье.

– Потерпит как-нибудь, – раздраженно кошусь на себя в зеркало и чуть не стону от того, что там вижу.

Укладка все еще держится. Мои каштановые волосы аккуратными волнами лежат до самых лопаток. Белая рубашка вроде бы нигде не помялась. Но лицо оно выдает меня с потрохами.

Карие глаза блестят, как после ударной дозы алкоголя. На щеках предательский румянец. Подбородок заострился как после жесткой голодовки. А на большое алое нечто между подбородком и носом лучше вообще не смотреть.

«Как после ночи безумного секса», – проносится в мыслях.

«Как в прошлом. С Ним. До того, как я загнала себя в монастырь под названием «Работа»» – подсказывает гадкий внутренний голос.

– Прекрасный настрой перед встречей! – поздравляю себя вслух, распахивая дверцу. – Осталось повесить на палку свое белое белье и, размахивая им, как флагом, вломиться в квартиру этого мерзавца.

Картинка в воображении выходит настолько дикой, что я внутренне вздрагиваю. На миг вжимаюсь лопатками в кожаную спинку сиденья. Делаю глубокий вдох. И забрав с соседнего сиденья чертову папку, спокойной, уверенной походкой иду к нужному дому.

Глава 4

Первую остановку я делаю возле двери подъезда. По-хорошему, нужно позвонить в домофон, представиться и попросить войти. В любой другой ситуации я бы даже не задумалась: нужно это или нет.

Однако сейчас упрямство берет верх. Не хочу давать своему визави ни секунды форы! Раз уж мне так повезло, пусть он тоже хлебнет удовольствие по полной.

Вместо номера квартиры набираю по памяти цифровой код и ныряю в просторный подъезд. Будто время остановилось, здесь все по-прежнему. Старая бирюзовая плитка на полу. Белые стены с лепниной под потолком. Кованая лестница и живые цветы в огромных керамических вазонах.

Идеальный интерьер для какого-нибудь депутата или банкира. Статусно и дорого. И уж никак не для спортсмена топ-уровня.

В прошлом меня это забавляло. Ну какой теннисист добровольно поселится в элитном бабушатнике? А теперь не хочу думать, почему он до сих пор здесь. Не хочу представлять, как он со своей больной спиной поднимался по лестнице на третий этаж. И точно не собираюсь сочувствовать.

«Я просто зайду, сообщу о назначении и оставлю документы», – настраиваю себя перед тяжелой деревянной дверью с номером «тринадцать».

«Никаких уговоров, улыбок и просьб!» – подношу руку к кнопке звонка.

И, закрыв глаза, жму.

– Открыто! – доносится из квартиры мужской голос.

Чтобы не оказаться слишком большим сюрпризом, я еще раз нажимаю на кнопку звонка. Терпеливо жду, когда хозяин лично распахнет передо мной дверь.

Но этот баран раздраженно повторяет «Открыто!» и с до боли знакомой хрипотцой добавляет:

– Хватит насиловать звонок!

Этот последний приказ снимает с меня все моральные ограничения.

Больше не заботясь о нежной психике легенды, я толкаю дверь и, как к себе домой, вхожу в темный коридор.

– Вот и на хрена было трезвонить? – с этими словами огромное тяжелое тело впечатывает меня в стену, и загребушие руки сжимают мою пятую точку.

– Я – собираюсь сказать, что это я, а не кто-то там другой.

Но в этот момент горячий язык нахально врывается в мой рот и затыкает его самым древним способом.

Целуется ублюдок с таким напором, что столбенею. Безвольно позволяю трахать меня языком по самые гланды. Вылизывать, словно сливочное мороженое. И мять мои ягодицы, так что задница начинает гореть и требовать большего.

Эпический финал многолетнего целибата! Падение ниже плинтуса прямо на старте. И с кем...

– Нет! – рычу, разорвав поцелуй.

Что есть силы, бью его по плечам. Широким, мускулистым и твердым, как из камня. Пытаюсь дотянуться до лица, чтобы оставить ногтями зарубку. Только эта спортивная сволочь оказывается быстрее.

– Поиграть захотела? – гад резко разворачивает меня лицом к стене. – Сейчас поиграем!

Проталкивает палец между моих губ и вжимается в попу всем своим достоинством. Горячим, большим, и, кажется, без беля.

– Соси! – командует на ухо. – Ты же за этим сюда пришла.

В шоке я пытаюсь понять, как я в такое влипла, и что вообще происходит. Отчаянно стараюсь сделать хоть один нормальный вдох – успокоить голову. И чуть не падаю, когда подонок начинает поглаживать меня между ног сквозь ткань брюк.

Эти его ритмичные движения окончательно приводят в чувства. Даже не пытаюсь освободить свой рот от длинных пальцев, я резко ударяю каблуком по мужской ноге. Под стон «Пиздец» разворачиваюсь и толкаю нахала в грудь.

– Что? – хрипит он, вылупившись на меня. И, судя по опускающейся челюсти, понимает, как сильно промахнулся.

– Здравствуй, Руслан! – выплевываю сквозь зубы и нервно поправляю свою одежду.

– Алина?

Гад лупит ладонью по выключателю.

– Явно не та, кого ты ждал, – чтобы не пялиться на все эти сто девяносто два сантиметра мышц и харизмы, отворачиваюсь в сторону. Как щит, прижимаю к груди ненавистную папку.

– Не та – сухо подтверждает подлец. И вместо того чтобы прикрыться, складывает руки на груди. – Какими судьбами?

«Это не судьба. Это злой рок!» – отвечаю ему мысленно.

– Титов, ты можешь хоть для приличия одеться? – произношу вслух.

– С каких пор тебя стали волновать правила приличия? – цинично цедит гад.

– Раз так Вот! – протягиваю папку. – Свяжись со своим агентом. Он должен быть в курсе.

– Что в ней? – сукин сын, кажется, и не думает мне помогать.

Глянув на документы, он лишь сильнее стискивает зубы и полностью игнорирует мой жест.

– Контракт. С федерацией! – растягиваю губы в самой слащавой своей улыбке.

Босс сказал улыбаться – надо отрабатывать.

– Это прикол такой?

Синие глаза темнеют, а на высоких скулах прорисовываются желваки.

– Это твой шанс вернуться в сборную.

Наверное, это совсем не тот способ уговаривать, который имел в виду Алишер Тимурович. И слова, вероятно, другие. И интонация неподходящая. Но, видит бог, я стараюсь, как могу.

– И нафига мне это нужно?

Ответ настолько предсказуем, что не могу удержаться и поворачиваюсь к Титову. Огромному, голому и еще более мощному, чем семь лет назад.

– Не имею ни малейшего представления! – тяну уголки губ еще шире. Так что лицевые мышцы начинают гореть, а предательская дрожь идет на убыль.

– А тебя, значит, отправили уговаривать?

На красивом породистом лице появляется ехидная ухмылка.

– Считай, что я курьер. – Кладу документы на пол и осторожно сдвигаюсь влево, к двери.

– Можешь не возвращаться. Думаю, Варфоломеев не так уж болен. Так что обойдемся без легенд.

Да, это точно не то, что хотел босс! Но как же хорошо от этих слов! Лучше любимого «наполеона». Лучше бокала холодного шабли. Лучше оргазма, который я чуть не получила пару минут назад от нахальных пальцев одного маньяка.

– Алина, ты самый хреновый переговорщик в мире. – Чудовище закатывает глаза и шумно выдыхает.

– Я хреновая во всем, – быстро распахиваю дверь. – Тебе ли не знать!

Машу ему рукой и выметаюсь из этой квартиры на первой космической.

Глава 5

Лечу домой так, словно мне горящий фитиль в одно место вставили.

Ласточка только и успевает вилять между другими тачками. Немного рискованно, но не опаснее того мероприятия, которое я недавно пережила.

Руслан-мать-его-Титов!

Первая ракетка мира семилетней давности. Звезда всех кортов. Мой первый и, к сожалению, все еще единственный мужчина. Бывший муж, с которым я успешно развелась через три недели после похода в ЗАГС.

– Ублюдок! – вслух поправляю себя.

Породистый, красивый и все же ублюдок!

– А еще бабник! Кобель! Самовлюбленный сукин сын и последний эгоист! – перечисляю, будто это почетные звания. И, судя по ошарашенным лицам других водителей, делаю это чересчур громко.

Успокаиваюсь я лишь на середине пути.

Пока не влетела в стену, вспоминая горячие руки на моих бедрах, усилием воли переключаюсь на рабочую волну. На первом же красном светофоре проверяю свою почту. Пишу агенту Варфоломеева, что место в сборной все еще вакантно.

А стоит застрять в пробке – просматриваю отзывы о последнем матче Червонцева – перспективного восемнадцатилетнего теннисиста, который на последнем первенстве умудрился вынести всех любимчиков босса.

В целом превращаюсь в привычную сдержанную Алину. Многозадачную и стрессоустойчивую – как любят указывать в вакансиях современные наниматели.

К сожалению, дома эту сдержанность ждет новое испытание.

– Милая, ну сколько можно пропадать на работе? – встречает меня возле двери мама.

– Привет еще раз. – Прохожу в собственную квартиру. Не хоромы, как у некоторых на Остоженке, но вполне удобную и современную двушку. – Мы же созванивались сегодня. Что-то случилось?

– Вот я после звонка и решила приехать. Мне твой голос не понравился.

– Ма... – открываю рот и затыкаюсь.

Я не верю ни в НЛО, ни в призраков. Однако есть одна необъяснимая паранормальная штука, которая реально существует и работает надежнее телеграфа, телефона или интернета.

Мамино чутье!

Его невозможно объяснить, невозможно проконтролировать и небезопасно оспаривать.

– Я просто устала, – сбрасываю пиджак и массирую шею.

– А эта усталость не связана с тем, что у вас замена в составе?

– Папа рассказал?

Я всегда гордилась своим отцом теннисистом. Именно он привил мне любовь к этому непростому спорту и ввел в мир настоящих звезд. Как назло, сейчас остро хочется, чтобы папа был шахматистом или пловцом.

– Он с Алишером общался, – поджимает губы мама.

Я делаю глубокий вдох и второй раз за день вспоминаю правила дыхания по квадрату.

– Так ты не хочешь мне ничего рассказать? – мама складывает руки на груди совсем как...

– Да, Руслана пригласили в сборную. Он восстановился и может играть в больших чемпионатах.

– Они совсем там сошли чокнулись? – хватается за голову. – Ему же тридцать два. И у него за плечами серьезная травма! Как он будет тягаться с Синклером, Алькарасом или Зверевым?

– Я уже сказала. Он восстановился, – чувствую, что начинаю закипать.

– Насколько?!

– Достаточно.

Перед глазами снова бархатные кубики пресса, широкие грудные мышцы и ладони... сильные, с узловатыми пальцами и вкусом медового геля для душа.

– Надеюсь, ты понимаешь, что вам не стоит работать вместе?

Кажется, мамина «любовь» к Титову за эти годы только усилилась. Ума не приложу, как ему это удалось. Наверное, бесил на расстоянии. Злил тем, что все еще живой и не переселился на другую планету.

– Мне без разницы с кем работать, – успокаиваю я ее. – Как мужчина он меня больше не интересуется. Можешь считать, что я привита от обаяния Титова.

– В прошлом ты тоже так говорила. А потом этот подонок отбил тебя у отличного парня, разрушил жизнь и бросил. Одну. Беспомощную. В больнице!

Мама с ювелирной точностью бьет по больным местам. Ни один человек на земле не способен скovyрнуть рану так качественно, как она. К счастью, я уже нарастила панцирь, способный защитить от ее заботы.

– Если тебя это успокоит, он не собирается подписывать контракт. – Зайдя на кухню, выпиваю залпом стакан воды и включаю кофеварку.

Люблю ее мерное тарыхтение. А что касается сна – в ближайшее время мне он не светит.

– Ты в этом уверена? – мама меняется в лице. Черты становятся мягче, разглаживается морщинка между бровей, и в серых глазах наконец гаснет напалм.

– Он не высказал заинтересованности, – отвечаю как можно уклончивее.

Не стоит ей знать детали нашей встречи. Обойдусь как-нибудь без генеральной прo-чистки всех извилин.

– Ой, – приглаживает свое стильное каре. – Ну, это хорошо. Хоть голову дурить никто не будет. А то с этими теннисистами...

Она морщится, не договорив, но я и так в курсе, что имелось в виду.

Кто-то сходит с ума от профессиональных спортсменов. Поджидает их у дверей, караулит на паркингах. А есть отдельная категория – жены. Им не нужно никого выслеживать, не приходится искать способы, чтобы увидеться.

Они просто ждут!

Ждут постоянно.

Живут день за днем в этом ожидании. Растят в одиночку детей, болеют, строят карьеры, делают ремонты и решают миллионы текущих проблем.

Мама хлебнула этой «радости» сполна. И никогда не хотела, чтобы я повторила ее судьбу.

– Можешь не переживать. – Мы вместе выходим в коридор. И она тут же начинает обуваться. – Уже завтра Алишер Тимурович утвердит какого-нибудь другого спортсмена. Мы улетим готовиться в Монако. А через неделю начнется турнир.

– О! Монако! Прилетишь загорелой, как шоколадка, – мечтательно тянет мама. Паники из-за вероятного возвращения Титова, как не бывало. – Виталик, сын тети Наташи, окончательно с ума от тебя сойдет.

– Пусть бы он нашел себе другой объект для сумасшествия.

Спорить нет никакого смысла. Успешный архитектор и истинный сын маминой подруги, Виталик уже проложил автобан к сердцу моей родительницы. В общих фантазиях они уже выдали меня замуж и, вероятно, растят тройню.

– Вот вернешься из Монако! Отдохнувшая, довольная, и сама с ним все решишь! – распахнув дверь, подмигивает мама.

И всего на миг я представляю... Себя – уставшую, с обгоревшим носом после яркого солнца Монако, Виталика – худощавого, длинного, с его тонкими усиками и светлой бородкой. А потом вдруг фантазия рисует на фоне нас двоих чью-то тень. Слишком большую и плечистую, чтобы не узнать, кто за ней скрывается.

